
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.9(476)

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ И ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируется, насколько удачно в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь отражена сущность принципа состязательности и обеспечены гарантии его реализации. Исследование данного вопроса проводится на основе сравнения норм Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь с правовым регулированием принципа состязательности в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь. В результате предложена новая редакция ст. 14 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, а также даны некоторые рекомендации по дальнейшему развитию состязательности гражданского процесса, в частности, об обязательности проведения судебных заседаний для разрешения ряда частных вопросов судопроизводства, необходимости детальной регламентации процедуры раскрытия заинтересованными лицами имеющихся у них доказательств и др.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; гражданское дело; принцип состязательности; суд; лица, участвующие в деле; стороны; позиция в споре; доказывание; доказательства.

Образец цитирования:

Скобелев ВП. Принцип состязательности в кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь: концептуальные вопросы понимания и правовой регламентации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:33–49.
EDN: MQMPOM

For citation:

Skobelev VP. The adversarial principle in the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus: conceptual issues of understanding and legal regulation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:33–49. Russian.
EDN: MQMPOM

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; deputy dean for academic affairs and educational innovations and associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
skobelev@bsu.by

THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN THE CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CONCEPTUAL ISSUES OF UNDERSTANDING AND LEGAL REGULATION

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article analyses how successfully the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus reflects the essence of the adversarial principle and provides guarantees for its implementation. The study is conducted on the basis of comparison with the legal regulation of the adversarial principle in the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus and the Economic Procedure Code of the Republic of Belarus. As a result, a new version of Art. 14 of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus was proposed, and some recommendations were made on the further development of the adversarial nature of civil proceedings, in particular, on the mandatory holding of court hearings to resolve a number of specific issues of legal proceedings, the need for detailed regulation of the procedure for disclosure by interested parties of evidences they have, etc.

Keywords: civil proceedings; civil case; adversarial principle; court; persons participating in the case; parties; position in the dispute; proof; evidences.

Введение

Состязательность относится к числу тех принципов, которые наиболее ярко характеризуют судебную форму правоприменения, включая и гражданское судопроизводство. По этой причине указанный принцип всегда находился в фокусе пристального внимания представителей науки цивилистического процесса¹ [1, с. 40–42; 2, с. 121–125; 3; 4, с. 47–57; 5, с. 37–42; 6; 7; 8, с. 122–154; 9, с. 282–416]. При этом в настоящее время исследование названного принципа правосудия приобретает особую актуальность в связи с очередным этапом кодификации процессуального законодательства – принятием Кодекса гражданского

судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который с 1 января 2026 г. заменит собой Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК). Грядущее вступление КГС в силу ставит на повестку дня вопросы о том, насколько он сохраняет преемственность с ГПК и ХПК в части принципа состязательности, какие новеллы в его регулирование привносит и т. п. Должной разработки данные вопросы, несмотря на отдельные имеющиеся по данной тематике работы [10; 11], в отечественной доктрине не получили.

Основная часть²

1. Принцип состязательности получил закрепление в ст. 14 КГС, причем в регулировании данного принципа КГС воспринял подходы, предусмотренные ХПК, а не ГПК. Так, если в ГПК состязательности посвящена статья, состоящая из единственной части (ст. 19 ГПК), в которой к собственно состязательности имеет отношение только одно из двух содержащихся там предложений: «Гражданские дела во всех судах рассматриваются на основе состязательности и равенства сторон в процессе» (второе предложение ст. 19 ГПК касается совсем другого вопроса – вопроса о добросовестности сторон: «В споре между собой стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им материальными и процессу-

альными правами и исполнять процессуальные обязанности»), то в ХПК статья, отведенная принципу состязательности (ст. 19 ХПК), имеет гораздо более пространственный характер: помимо предписания (схожего с присутствующим в первом предложении ст. 19 ГПК) о том, что «судопроизводство в суде, рассматривающем экономические дела, осуществляется на основе состязательности» (ч. 1 ст. 19 ХПК), данная статья ХПК содержит еще ряд положений, образующих содержание ее второй, третьей и четвертой частей. В ст. 14 КГС предписания ст. 19 ХПК нашли отражение в несколько переработанном и дополненном виде и были распределены по семи частям данной статьи.

¹Евтодьева И. А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва, 1983. 23 с. ; Самсонов В. В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 1999. 27 с. ; Таранова Т. С. Реализация принципа состязательности в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Минск, 2001. 20 с.

²В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором последовательности освещения их в статье.

Тем не менее нам представляется, что в ст. 14 КГС, несмотря на всю ее объемность, суть принципа состязательности раскрытия так и не получила. Обратимся к анализу ч. 1 ст. 14 КГС, гласящей, что «рассмотрение гражданских дел в суде осуществляется на основе состязательности». Из данной нормы следует, что состязательность отражает не содержание процессуальной деятельности (содержанием процессуальной деятельности является «рассмотрение гражданских дел в суде»), а ее форму (слова «на основе» использованы в ч. 1 ст. 14 КГС в значении «в форме» и потому вполне безболезненно на последнее словосочетание могут быть заменены), или, другими словами, порядок процессуальной деятельности (в какой последовательности, по какому алгоритму процессуальная деятельность должна происходить). И из ч. 2–7 ст. 14 КГС (равно как и из ч. 2–4 ст. 19 ХПК) видно, что закрепленные в них нормы отражают не форму (порядок) организации взаимной процессуальной деятельности суда и участвующих в деле лиц, а лишь содержание отдельных направлений деятельности названных субъектов, что, безусловно, затрудняет получение четкого представления о сущности принципа состязательности, а в определенной мере и запутывает данный вопрос. Думается, именно по этой причине ст. 19 ГПК ограничивается указанием на то, что «гражданские дела во всех судах рассматриваются на основе состязательности и равенства сторон в процессе», и не содержит положений, аналогичных ч. 2–7 ст. 14 КГС (ч. 2–4 ст. 19 ХПК).

Но в чем же тогда заключается принцип состязательности судопроизводства? По нашему мнению (и об этом мы уже писали [12, с. 77]), состязательность представляет собой такую форму (порядок) организации процессуальной деятельности (т. е. правосудия), при которой рассмотрение и разрешение всех наиболее значимых правовых вопросов (как вопросов частного характера, так и самого главного правового вопроса – вопроса о судьбе поданного иска, жалобы или заявления) должно происходить путем выяснения, проверки и учета позиций абсолютно всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц (в терминологии ХПК и КГС лиц, участвующих в деле). А поскольку интересы названных лиц и, соответственно, занимаемые ими позиции имеют противоположный характер (интересы лица, предъявившего требования в суд, и выступающих в его поддержку субъектов противоположны интересам лица, к которому предъявлены требования, и субъектов, поддерживающих его), то процессуальная деятельность по гражданскому делу протекает в форме состязания (дискуссии, спора), что, собственно, и отражено в наименовании анализируемого принципа судопроизводства – состязательность.

Для того чтобы судебный процесс мог быть действительно состязательным, должны обеспечиваться определенные условия (гарантии). Так, заинтересо-

ванные лица должны не только иметь возможность представлять собственную позицию и подвергать критике позицию своего оппонента, но и активно реализовывать эту возможность. Именно поэтому в ст. 14 КГС говорится, что «стороны обосновывают свои требования и возражения, избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле» (ч. 2), «стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства» (ч. 3), «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений» (ч. 4), «стороны несут риск наступления последствий совершения или несвершения ими процессуальных действий» (ч. 7).

Суд же должен не только проверять и принимать во внимание позиции всех юридически заинтересованных лиц, но и обеспечивать последним реальную возможность для представления и отстаивания ими собственных позиций. По этой причине положения ст. 14 КГС гласят следующее: «Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Суд основывает решение лишь на тех доказательствах, участие в исследовании которых на равных основаниях было обеспечено всем лицам, участвующим в деле» (ч. 5); «Суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Однако в целях установления фактических обстоятельств дела по мотивированному ходатайству стороны суд оказывает содействие в истребовании необходимых доказательств по делу, если их представление стороной является невозможным» (ч. 6).

Таким образом, нормы ч. 2–7 ст. 14 КГС (и аналогичные им нормы ч. 2–4 ст. 19 ХПК) раскрывают не суть принципа состязательности судопроизводства, а наиболее важные условия (гарантии), при соблюдении которых данный принцип может реально работать в сфере правосудия. Вместе с тем текстуальные формулировки данных условий (гарантий), равно как и содержание ч. 1 ст. 14 КГС, имеющей отношение к сущности анализируемого принципа, не во всех отношениях представляются удачными.

2. Согласно ч. 1 ст. 14 КГС на основе состязательности осуществляется «рассмотрение гражданских дел в суде», тем самым ч. 1 ст. 14 КГС восприняла подход, реализованный в первом предложении ст. 19 ГПК, где тоже указано, что на основе состязательности

«гражданские дела во всех судах рассматриваются». Совсем иная позиция отражена в ч. 1 ст. 19 ХПК: на основе состязательности осуществляется «судопроизводство в суде, рассматривающем экономические дела».

По нашему мнению, говорить о том, что принцип состязательности действует только при рассмотрении дел в судах (как это имеет место в ч. 1 ст. 14 КГС и первом предложении ст. 19 ГПК), не совсем верно, поскольку на основе состязательности в судах рассматриваются не только гражданские дела в целом, но и множество более частных вопросов, возникающих как в ходе производства по делу, так и тогда, когда гражданского дела пока или уже на рассмотрении суда нет. Примером частного вопроса, который возникает еще до возбуждения гражданского дела в суде, но должен обсуждаться на основе состязательности, может служить вопрос об обеспечении доказательств, инициируемый заинтересованным лицом до подачи искового заявления в суд. Согласно ч. 6 ст. 235 КГС «...суд рассматривает заявление об обеспечении доказательств без вызова сторон. В необходимых случаях заявитель и иные лица, участвующие в деле, могут быть извещены о времени и месте рассмотрения заявления». Как видно, «в необходимых случаях» ч. 6 ст. 235 КГС гарантирует рассмотрение вопроса об обеспечении доказательств на основе состязательности.

Однако стоит заметить, что в ч. 2 ст. 236 ГПК отражен совсем другой подход: заявитель и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица всегда (а не только «в необходимых случаях») извещаются о времени и месте рассмотрения заявления. Нам видится, что правило ч. 2 ст. 236 ГПК является более оптимальным, нежели правило ч. 6 ст. 235 КГС, так как обеспечение доказательств представляет собой очень серьезное процессуальное мероприятие, результаты которого способны самым непосредственным образом отразиться на итогах разрешения будущего гражданского дела, соответственно, всем заинтересованным лицам необходимо предоставить возможность участвовать в данном мероприятии и отстаивать в ходе него свои позиции (интересы). Содержание ч. 6 ст. 235 КГС можно объяснить, вероятно, заимствованием (с некоторой доработкой) правила ч. 6 ст. 109 ХПК: «Суд, рассматривающий экономические дела, рассматривает заявление об обеспечении доказательств без вызова сторон».

Частный вопрос может возникнуть и тогда, когда гражданского дела на рассмотрении суда уже нет, т. е. когда оно было судом разрешено. Рассмотрение такого рода частных вопросов предполагает гл. 43 КГС «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений, исполнительных документов, выдаваемых иными органами» (по смыслу п. 6 ст. 1 КГС, закрепляющего дефиницию термина «гражданские дела» и заканчивающегося словами «иные дела, от-

несенные к компетенции судов настоящим Кодексом и другими законодательными актами», правовые вопросы, которым посвящена гл. 43 КГС, с формальной точки зрения есть основания считать самостоятельными гражданскими делами, однако нам кажется, что если поставленный перед судом в порядке гл. 43 КГС вопрос связан с ранее разрешенным судом делом, то такой вопрос нужно считать не самостоятельным гражданским делом, а продолжением (частью) прежде разрешенного дела, соответственно, и все представленные (собранные) по такому вопросу материалы должны приобщаться к материалам данного дела, а не храниться отдельно).

Например, согласно ч. 2 ст. 484 КГС «заявление сторон или представление судебного исполнителя о выдаче дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе рассматриваются судом в срок не позднее одного месяца без извещения сторон исполнительного производства, судебного исполнителя. В случае необходимости суд вправе вызвать стороны, судебного исполнителя в судебное заседание». По данному вопросу, как и в ч. 6 ст. 235 КГС, принцип состязательности тоже подлежит реализации лишь «в случае необходимости», и объяснить подобный усеченный подход к действию принципа состязательности достаточно сложно, потому что и ч. 2 ст. 464 ГПК, и ч. 2 ст. 330 ХПК предусматривают извещение сторон исполнительного производства (а ч. 2 ст. 330 ХПК предусматривает извещение также и судебного исполнителя) о времени и месте рассмотрения судом вопроса о выдаче дубликата исполнительного документа во всех случаях.

Можно привести примеры и других случаев, когда действие принципа состязательности при рассмотрении названных в гл. 43 КГС вопросов неоправданно сужено. Так, ч. 7 ст. 490 КГС предписывает вызывать стороны исполнительного производства и судебного исполнителя в судебное заседание, посвященное вопросу о замене, приостановлении или отмене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, лишь «в случаях, когда суд признает это необходимым». Между тем, по нашему мнению, необходимость в извещении данных субъектов существует всегда, потому что неправильное разрешение судом названных вопросов способно существенным образом нарушить интересы или одной, или другой стороны исполнительного производства (в зависимости от того, удовлетворяет суд заявленные требования или отказывает в них), а также помешать достижению целей исполнительного производства. В то же время появление нормы ч. 7 ст. 490 КГС само по себе является значительным шагом вперед на пути развития состязательности судопроизводства, потому что в ст. 469 ГПК и ст. 334 ХПК аналогичного рода нормы вообще нет.

Другой пример – это вопрос о повороте исполнения судебного постановления. В КГС совершенно

отсутствуют предписания относительно процедуры разрешения судом первой инстанции данного вопроса, в ч. 2 ст. 487 КГС сказано лишь, что, «если в определении или постановлении суда апелляционной, кассационной или надзорной инстанции нет указания о повороте исполнения судебного постановления, должник, исполнивший судебное постановление, вправе подать соответствующее заявление в суд первой инстанции» (тем самым здесь фактически нашло отражение правило ч. 3 ст. 332 ХПК: «Если в постановлении об изменении или отмене судебного постановления нет указания о повороте его исполнения, должник вправе подать заявление о повороте исполнения судебного постановления в суд, рассматривающий экономические дела, первой инстанции»). Однако первое предложение ч. 3 ст. 466 ГПК на этот счет гласит, что «заявление о повороте исполнения судебного постановления рассматривается в судебном заседании с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц», и с такой позицией законодателя нельзя не согласиться.

Еще одна группа вопросов частного характера, которые могут возникать уже после разрешения судом гражданского дела, предусмотрена параграфом 4 гл. 27 КГС. Сюда относятся вопросы разъяснения решения, исправления в нем опечаток и явных счетных ошибок, отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения, индексации присужденных денежных сумм. И здесь, к сожалению, тоже приходится констатировать сужение сферы действия принципа состязательности. Так, если вопросы отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения подлежат рассмотрению судом в судебном заседании с извещением участвующих в деле лиц о времени и месте его проведения (ч. 1 ст. 314 КГС), то в отношении вопросов разъяснения решения, исправления опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм прямо написано, что они «рассматриваются судом без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле» (ч. 2 ст. 314 КГС).

Вероятно, это тоже является следствием заимствования подходов из ХПК, который предписывает разрешать в судебном заседании с извещением сторон о времени и месте его проведения вопросы об отсрочке и рассрочке исполнения судебного постановления, об изменении способа и порядка его исполнения (ч. 3 ст. 211 ХПК), а процедуру рассмотрения вопросов о разъяснении решения суда, исправления в нем опечаток и арифметических ошибок не регламентирует, указывая лишь, что по данным вопросам судом в течение десяти дней со дня поступления ходатайства (представления) выносится определение (что же касается индексации присужденных денежных сумм, то решение подоб-

ного вопроса ХПК вообще не предусмотрено). Однако ГПК (ч. 2 ст. 318-2, ч. 1 ст. 330) требует, и, думается, совершенно правильно, абсолютно все обозначенные вопросы рассматривать в судебном заседании с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Вообще стоит сказать, что в тех случаях, когда согласно КГС вопрос частного характера подлежит разрешению судом первой инстанции без учета позиций участвующих в деле лиц (т. е. без проведения судебного заседания и вызова в него данных субъектов), действие принципа состязательности может быть обеспечено на этапе апелляционного пересмотра определения суда, вынесенного по итогам рассмотрения указанного вопроса (проверка законности и обоснованности судебных постановлений всегда осуществляется судом апелляционной инстанции в судебном заседании). Ведь КГС позволяет обжаловать (опротестовать) в апелляционном порядке определение по вопросу обеспечения доказательства (ч. 8 ст. 235), определение о выдаче или об отказе в выдаче дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе (ч. 3 ст. 484), определения по вопросам обеспечения исполнения исполнительного документа (ч. 8 ст. 490), определения по вопросам разъяснения решения, исправления опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм (ч. 3 ст. 314). Однако тогда состязательная форма будет использоваться в условиях, когда соответствующий вопрос судом первой инстанции уже был разрешен, и использоваться в целях поиска предположительно допущенной судом первой инстанции при разрешении данного вопроса ошибки, в то время как более целесообразно было бы применять состязательный порядок непосредственно при рассмотрении судом первой инстанции этого вопроса, чтобы предотвращать возможные ошибки со стороны суда первой инстанции.

Однако преобладающее число частных вопросов рассматриваются судом в условиях состязательной формы именно тогда, когда гражданское дело уже находится в его производстве. Состязательность здесь обеспечивается прежде всего за счет того, что большая часть данных вопросов разрешается в судебном разбирательстве, т. е. в судебном заседании, в котором происходит рассмотрение дела по существу и о времени и месте которого извещаются все заинтересованные лица. Однако для решения некоторых вопросов частного характера КГС предусмотрено проведение специальных (отдельных) судебных заседаний с вызовом в них участвующих в деле лиц, в частности, это вопросы восстановления пропущенного процессуального срока (для обсуждения такого вопроса судебное заседание проводится не всегда, а, как сказано в ч. 2 ст. 119 КГС, «с учетом характера и сложности процессуального вопроса»), изменения, замены и отмены обеспечительных мер (в соответствии с ч. 3 ст. 161 КГС

о времени и месте рассмотрения судом данного вопроса лица, участвующие в деле, извещаются тоже лишь «в необходимых случаях»), утверждения мирового соглашения (ч. 1 ст. 167 КГС), выполнения судебного поручения (ч. 3 ст. 236 КГС), подготовки дела к судебному разбирательству (согласно ст. 252 КГС в этом случае проводится предварительное судебное заседание).

Таким образом, формулировка ч. 1 ст. 19 ХПК о том, что на основе состязательности осуществляется судопроизводство, является более предпочтительной, нежели формулировки первого предложения ст. 19 ГПК и ч. 1 ст. 14 КГС, указывающие на применение состязательности только при рассмотрении дел, поскольку формулировка ч. 1 ст. 19 ХПК позволяет учесть, что в условиях состязательности происходит рассмотрение не только дела в целом, но и множества отдельных правовых вопросов, причем как связанных с данным делом, так и имеющих вполне самостоятельный характер (например, самостоятельный характер будет иметь вопрос принятия судом меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, который был выдан не судом, а другим юрисдикционным органом). В то же время вряд ли можно приветствовать тот факт, что КГС ограничивает (во многом под влиянием норм ХПК) применение состязательных начал для разрешения многих частных вопросов судопроизводства.

3. Часть 2 ст. 14 КГС гласит: «Стороны обосновывают свои требования и возражения, избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле». Данное правило было сформировано разработчиками КГС путем некоторой модификации и объединения в одно предложение предписаний, содержащихся в ч. 2 ст. 19 ХПК («лица, участвующие в деле, обязаны обосновать свои требования и возражения») и во втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК («каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право представлять доказательства в суд, рассматривающий экономические дела, и другой стороне по делу, а также обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств»). Вместе с тем получившееся в итоге правило ч. 2 ст. 14 КГС имеет ряд недостатков, равно как далеки от совершенства и предписания ч. 2, второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК.

Правило ч. 2 ст. 14 КГС распространяется только на стороны процесса, между тем заявлять требования, возражения и тем самым занимать определенную позицию относительно судебного спора могут не только стороны, но и иные лица, участвующие в деле (в частности, третьи лица, прокурор, государствен-

ный орган, дающий заключение по делу). Поэтому положения ч. 2, второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК, рассчитанные на всех участвующих в деле лиц, представляются более точными. Правда, одна очень важная категория субъектов процесса оказалась упущенной из виду и в ч. 2, втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК. Мы имеем в виду судебных представителей, которых ХПК (см. гл. 6 «Лица, участвующие в деле, и иные участники хозяйственного процесса» и гл. 7 «Представительство в суде, рассматривающем экономические дела») не относит к лицам, участвующим в деле. Вследствие этого получается (по крайней мере, с формально-юридической точки зрения), что на судебных представителей в хозяйственном судопроизводстве не распространяется обязанность обосновывать свои требования и возражения, судебным представителям не гарантируется право представлять доказательства и не обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения.

Норма ч. 2 ст. 19 ХПК («лица, участвующие в деле, обязаны обосновать свои требования и возражения»), по сравнению с аналогичным положением ч. 2 ст. 14 КГС («стороны обосновывают свои требования и возражения»), имеет более императивный (повелительный) характер, а потому, вероятно, является более предпочтительной. Вместе с тем в отношении и того, и другого предписания возникает следующий вопрос: а в чем именно должно заключаться обоснование требований и возражений, в том числе предполагает ли оно необходимость приведения ссылок на нормы материального и (или) процессуального права? Если исходить из того, что правовое обоснование требований и возражений необходимо, то придется сделать вывод противоположного содержания: указанное положение ч. 2 ст. 14 КГС (как снимающее акцент с безусловной необходимости приведения обоснования, в том числе правового, требований и возражений) представляется более приемлемым, нежели норма ч. 2 ст. 19 ХПК, потому что КГС, в отличие от ХПК, рассчитан на споры не только между субъектами хозяйствования (т. е. сильными во всех отношениях участниками гражданского оборота), но и на конфликты с участием обычных (а именно не имеющих юридической подготовки, больших финансовых ресурсов и т. п.) граждан, для которых весьма проблематично самостоятельно делать ссылки на какие-либо правовые нормы или нанимать с этой целью профессиональных юристов.

В связи с вышесказанным обращает на себя внимание тот факт, что КГС хоть и устанавливает обязанность приводить ссылки на нормативные правовые акты для лиц, обращающихся в суды первой инстанции с требованиями в порядке искового производства (п. 7 ч. 2 ст. 238 КГС), приказного производства (п. 4 ч. 2 ст. 343 КГС), производства по делам, возникающим из административных и иных публичных

правоотношений (ч. 1 ст. 353, п. 6 ч. 2 ст. 367 КГС), особого производства (ч. 1 ст. 406 КГС), а также с возражениями против предъявленных требований (ч. 3 ст. 247 КГС), однако неблагоприятных последствий неисполнения данной обязанности в виде оставления поданного в суд документа (с требованиями или возражениями) без движения или его возвращения не предусматривает. Видимо, это и явилось причиной того, что норма ч. 2 ст. 19 ХПК при заимствовании ее в ч. 2 ст. 14 КГС была трансформирована в гораздо менее категоричное по своему характеру правило.

В целом же для выяснения вопроса о том, в чем именно должно заключаться обоснование требований и возражений, следует обратиться к понятию «позиция лица, участвующего в деле», получившему закрепление в ч. 1 ст. 57 КГС. Согласно ч. 1 ст. 57 КГС «...каждое лицо, участвующее в деле, занимает и защищает в производстве по этому делу самостоятельную позицию, которая выражается в соответствующих процессуальных документах, заявлениях и действиях. Позиция включает определенные требования или возражения против требований вместе с их фактическим и правовым обоснованием», тем самым здесь нашли почти дословное отражение правила ст. 55 ГПК (разница только в том, что в ст. 55 ГПК каждому из двух приведенных предложений ч. 1 ст. 57 КГС отведена своя самостоятельная часть, а вместо термина «лицо, участвующее в деле» ч. 1 ст. 55 ГПК оперирует выражением «юридически заинтересованное в исходе дела лицо»)⁵, хотя в структурном плане заимствование осуществлено не самым лучшим образом. Ведь ст. 57 КГС называется «Права и обязанности лиц, участвующих в деле», поэтому присутствие в данной статье, тем более в ее самой первой части, предписаний относительно позиций, занимаемых и защищаемых участвующими в деле лицами, выглядит довольно нелогично и странно. Для сравнения: в ГПК соответствующим положениям отведена отдельная специальная статья (ст. 55 «Позиции юридически заинтересованных в исходе дела лиц»), правила которой следовало заимствовать в КГС тоже путем введения отдельной специальной статьи, а не посредством включения этих правил в ту статью, которая к предмету регулирования данных правил никакого отношения не имеет.

Как видно из ч. 1 ст. 57 КГС, позиция участвующего в деле лица – это его определенные требования или возражения против требований вместе с их

фактическим и правовым обоснованием. Из приведенного положения можно сделать вывод, что правовое обоснование является элементом (частью) позиции лица, участвующего в деле. Однако нет повода утверждать, что если заинтересованное лицо не привело правовое обоснование своих требований или возражений, то самостоятельная позиция в производстве по делу у него отсутствует. На наш взгляд, правовое обоснование является факультативным элементом позиции: заявляя требования или возражения, участвующее в деле лицо может как делать юридические ссылки, так и не делать их. Подтверждением этому прежде всего служат те положения КГС, которые не предусматривают никаких негативных последствий на случай отсутствия в подаваемом в суд документе (содержащем требования или возражения участвующего в деле лица) ссылок на нормативные правовые акты. В пользу отстаиваемого нами мнения свидетельствует и тот факт, что положения ч. 1 ст. 57 КГС заимствованы из ГПК, который вообще не требует от заинтересованных лиц приводить правовое обоснование своих требований и возражений в ходе производства по делу в суде первой инстанции.

Понятие «позиция лица, участвующего в деле», закрепленное в ч. 1 ст. 57 КГС, позволяет сделать и еще один вывод относительно положений ч. 2 ст. 14 КГС. Дело в том, что действия сторон в виде «...избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания» обозначены в ч. 2 ст. 14 КГС как однопорядковые (равнозначные) со всеми иными перечисленными в ней формами проявления поведения сторон. Однако такое поведение сторон, как «...обосновывают свои требования и возражения», есть не что иное, как выбор (обозначение) по своему усмотрению позиции в деле, а поведение в форме «...представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле», – деятельность по отстаиванию собственной позиции различными способами и средствами. Кроме того, в ч. 2 ст. 14 КГС стоило бы подчеркнуть, что у сторон имеется право высказывать мнения не только о доводах других лиц, участвующих в деле, но и об их позициях в целом (ведь доводы – это только часть позиции, ее обоснование).

4. Отдельно стоит остановиться на анализе правила второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК: «Каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право

⁵Нельзя не заметить, что ч. 1 ст. 57 КГС, равно как и ч. 2 ст. 55 ГПК, понимают суть позиции несколько узко и однобоко. Ведь позиция может заключаться не только в каких-то требованиях или возражениях, но и, например, в согласии с требованиями или возражениями другого лица (в частности, позицией третьего лица без самостоятельных требований на стороне истца всегда будет согласие с требованиями последнего, а позицией третьего лица такого же вида на стороне ответчика – согласие с возражениями ответчика) либо в признании требований или возражений (ведь не исключена ситуация, когда ответчик признает требования истца и наоборот – истец признает возражения ответчика). Поэтому в ч. 1 ст. 57 КГС, ч. 2 ст. 55 ГПК более правильно было бы написать, что «позиция включает в себя определенное отношение лица к тому или иному вопросу судопроизводства вместе с фактическим и правовым обоснованием такого отношения». В ХПК о позиции стороны (сторон) (абзац 6 ч. 1 ст. 155-1, ч. 2 ст. 157, ч. 2 ст. 172), позициях лиц, участвующих в деле, их представителей (ч. 2 ст. 187) и даже позициях судей (ч. 8 ст. 190) говорится неоднократно, однако, в чем именно заключается суть понятия «позиция», не разъясняется.

представлять доказательства в суд, рассматривающий экономические дела, и другой стороне по делу, а также обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств». Из смысла данного правила следует, что принцип состязательности ассоциируется законодателем лишь с процессуальной деятельностью в области доказывания и что реализация важнейших правомочий участвующих в деле лиц (заявлять ходатайства, высказывать мнения, доводы и давать пояснения) обеспечивается им только по «вопросам, связанным с представлением доказательств». Подтверждением данной мысли служит и содержание ч. 4 ст. 19 ХПК, согласно которой центральное направление деятельности суда, рассматривающего экономические дела, в контексте принципа состязательности заключается в том, что он «создает лицам, участвующим в деле, условия для представления доказательств, активного участия в их исследовании и сопоставлении, в установлении фактических обстоятельств».

Однако, на наш взгляд, ограничивать действие принципа состязательности только сферой доказывания и доказательств нельзя. Безусловно, доказательственная деятельность составляет основу судопроизводства, потому что именно данная деятельность позволяет правильно ответить на главный стоящий перед судом вопрос: как следует разрешить предъявленный иск (жалобу, заявление). Соответственно, и принцип состязательности наиболее полно и ярко проявляет себя в сфере доказывания и доказательств. Однако по ходу процесса суду, а также участвующим в деле лицам требуется решить и множество других (помимо самого главного) юридических вопросов, поиск ответов на которые тоже должен протекать в условиях состязательной формы судопроизводства. Не случайно поэтому КГС требует, чтобы решение многих отдельных (частных) вопросов процесса происходило с учетом мнения (а по сути – позиции) участвующих в деле лиц или, другими словами, происходило в состязательном порядке. В связи с этим стоит заметить, что если во фразе, используемой во втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК, о том, что каждому лицу, участвующему в деле, «обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств», исключить слова

«связанным с представлением доказательств», то мы фактически получим текстуальное выражение сущности принципа состязательности.

Круг отдельных (частных) вопросов, по которым КГС прямо предписывает выяснять (учитывать) мнения лиц, участвующих в деле, довольно широк. В него входят вопросы кино-, фотосъемки, видеозаписи, а также трансляции хода судебного заседания в режиме реального времени посредством интернета (ч. 4 ст. 17, ч. 5 ст. 258 КГС), изменения языка судопроизводства (ч. 2 ст. 21 КГС), разрешения заявленного отвода (ч. 3 ст. 37 КГС), определения срока проведения сторонами переговоров при содействии их адвокатов (ч. 1 ст. 169 КГС), предоставления допрошенному свидетелю возможности удалиться из зала суда до окончания разбирательства дела (ч. 2 ст. 190 КГС), разрешения ходатайств участвующих в деле лиц (ст. 268 КГС), определения допустимости рассмотрения дела в отсутствие неявившихся в судебное заседание свидетелей, экспертов и специалистов (ч. 9 ст. 269 КГС), установления порядка исследования доказательств (ч. 1 ст. 275 КГС).

Но даже если КГС прямо и не указывает на необходимость выяснять мнения участвующих в деле лиц по тому или иному процессуальному вопросу, в силу принципа состязательности суд все равно должен данное мнение выяснять, причем в данных случаях можно говорить о взаимодействии принципа состязательности с иными принципами гражданского судопроизводства⁴. Например, суд должен учитывать мнения участвующих в деле лиц при санкционировании распорядительных волеизъявлений сторон в виде уменьшения размера исковых требований, отказа от иска, признания иска, заключения мирового соглашения (взаимодействие принципа состязательности с принципом диспозитивности). Мнения лиц, участвующих в деле, должны учитываться при допуске судом в процесс судебного представителя (взаимодействие принципа состязательности с принципом права на юридическую помощь), а также при решении вопросов об изменениях в составе сторон: возникновении процессуального соучастия или замене ненадлежащего ответчика (взаимодействие принципа состязательности с принципами процессуальной экономии и выяснения действительных обстоятельств дела⁵). При объявлении перерыва в судебном заседании, отложении судебного разбирательства или приостановлении производства по делу суд тоже обязан учитывать мнения участвующих в деле лиц (взаимодействие принципа состязательности

⁴Безусловно, взаимодействие принципа состязательности с иными принципами судопроизводства имеет место и в тех описанных выше случаях, когда КГС напрямую предписывает учитывать мнения лиц, участвующих в деле, по определенным вопросам. Так, в случае, предусмотренном ч. 4 ст. 17, ч. 5 ст. 258 КГС, принцип состязательности взаимодействует с принципом гласности, в случае, описанном в ч. 2 ст. 21 КГС, – с принципом языка судопроизводства и т. д.

⁵КГС, в отличие от ГПК (ст. 20), во второй главе среди принципов гражданского судопроизводства не называет принцип выяснения действительных обстоятельств дела, однако не подлежит сомнению, что такой принцип гражданскому судопроизводству, регулируемому КГС, присущ. См.: Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь // Судовы веснік. 2024. № 2. С. 75–76.

с принципами непрерывности и процессуальной экономии). Мнения всех участвующих в деле лиц (а не только истца) следует выяснять и при обсуждении вопроса о допустимости рассмотрения дела в порядке заочного производства (взаимодействие принципа состязательности с принципами выяснения действительных обстоятельств дела, равенства всех перед законом и судом, процессуальной экономии и права на судебную защиту).

Если принцип состязательности связывать исключительно с доказательственной деятельностью, то тогда весьма затруднительно будет объяснить необходимость проведения судебного заседания (как одного из основных процессуальных средств обеспечения состязательности в судопроизводстве) в тех случаях, когда основным обсуждаемым вопросом является вопрос не доказывания и доказательств, а другой. В частности, это случаи проведения судебных заседаний для решения вопросов восстановления пропущенного процессуального срока (ч. 2 ст. 119 КГС), применения обеспечительных мер по делу, рассматриваемому третейским судом, международным арбитражным (третейским) судом (ч. 2 ст. 160 КГС), изменения, замены и отмены обеспечительных мер (ч. 3 ст. 161 КГС), утверждения мирового соглашения (ч. 1 ст. 167 КГС), вынесения дополнительного решения, отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения (ч. 1 ст. 314 КГС), разъяснения решения, исправления опечаток, опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм (ч. 2 ст. 314 КГС), выдачи исполнительного листа на основании брачных договоров, соглашений о детях, соглашений о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, соглашений о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (ч. 1 ст. 482 КГС), выдачи дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе (ч. 2 ст. 484 КГС) и пр.

5. Правило ч. 3 ст. 14 КГС о том, что «стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства», на первый взгляд, кажется совершенно безупречным и нужным, ведь если сторона впервые узнает об аргументах своего оппонента только в судебном разбирательстве, то рассмотрение спора в форме состязания, скорее всего, не состоится, потому что сторона не сможет эти аргументы быстро оценить, а тем более что-либо им противопоставить, соответственно, судебное разбирательство придется отложить в целях предоставления стороне возможности подготовиться к участию в споре. Однако скрупулезный анализ данного правила, в том числе в контексте других норм КГС, показывает, что оно заслуживает некоторых критических замечаний.

Во-первых, правило ч. 3 ст. 14 КГС заимствовано из первого предложения ч. 3 ст. 19 ХПК, однако там

оно имеет несколько иную редакцию, а именно касается не только сторон: «Лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства». Подход более точный, но тоже не вполне оптимальный, поскольку в первом предложении ч. 3 ст. 19 ХПК упущена из виду еще одна категория субъектов процесса, которой стоило бы гарантировать возможность получать заблаговременно (до начала судебного разбирательства) информацию об аргументах участвующих в деле лиц, – представители лиц, участвующих в деле.

Во-вторых, не совсем понятно, что в ч. 3 ст. 14 КГС, равно как и в первом предложении ч. 3 ст. 19 ХПК, подразумевается под аргументами, поскольку КГС и ХПК не только не раскрывают содержания данного понятия, но и вообще термин «аргументы» нигде, кроме ч. 3 ст. 14 КГС и первого предложения ч. 3 ст. 19 ХПК, не используют. Видимо, с учетом того, что КГС заимствовал из ГПК понятие «позиция юридически заинтересованного в исходе дела лица», в ч. 3 ст. 14 КГС речь должна идти не об аргументах, а о позициях лиц, участвующих в деле, и их представителей, причем о позициях данных субъектов не по любым вопросам, а именно по существу спора.

Но гарантирует ли КГС участвующим в деле лицам и их представителям возможность заранее получить информацию о позициях друг друга, т. е. информацию о заявленных требованиях и возражениях против требований вместе с их фактическим и правовым обоснованием? Нужно сказать, что применительно к ответчику (лицу, участвующему на так называемой пассивной стороне процесса в ином виде судопроизводства, помимо искового) данная возможность в полном объеме гарантирована, потому что копия искового заявления, а при необходимости и копии приложенных к нему документов подлежат направлению или вручению ответчику судом (ч. 3 ст. 111, п. 11 ч. 2 ст. 251 КГС) или, по крайней мере, ответчику предоставляется возможность ознакомиться с данными материалами в помещении суда, если они содержат сведения, составляющие государственные секреты (п. 18 ч. 2 ст. 251 КГС). Вместе с тем позиция ответчика для истца может оставаться неизвестной вплоть до начала судебного разбирательства. Ведь по КГС (ч. 1 ст. 247), в отличие от ХПК (ч. 1 ст. 166), представление ответчиком отзыва на исковое заявление является его правом, а не обязанностью. Соответственно, если в ходе подготовки дела к судебному разбирательству судом не будет проведено предварительное судебное заседание (ст. 252 КГС) и суд не обяжет ответчика представить отзыв на исковое заявление (ч. 5 ст. 247, п. 4 ч. 2 ст. 251 КГС), то истец вплоть до начала рассмотрения дела так и будет оставаться в неведении о том, имеются ли у ответчика возражения на иск и каково их обоснование.

В-третьих, в целях реализации состязательных начал процесса участвующим в деле лицам и их

представителям должна обеспечиваться возможность заранее (до судебного разбирательства) получить информацию не только о позициях друг друга относительно сути гражданского дела, но и о содержании подтверждающих эти позиции доказательств. Такая возможность реализуется посредством процедуры раскрытия доказательств. КГС (ч. 5 ст. 179) действительно заимствовал из ХПК (ч. 4 ст. 100) предписание о том, что каждое участвующее в деле лицо должно раскрыть имеющиеся у него доказательства перед другими лицами, участвующими в деле, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах срока, установленного судом⁶. Однако, например, процедура раскрытия доказательств (где, кто, когда, как и в какой последовательности должен осуществлять раскрытие доказательств) КГС не определена (по всей видимости, потому, что такой процедуры нет в ХПК, откуда была заимствована сама идея о необходимости раскрытия доказательств). Санкция за нарушение обязанности по раскрытию доказательств, предусмотренная абзацем 3 ч. 1 ст. 133-1 ХПК (суд вправе взыскать со стороны судебные расходы независимо от исхода дела, если доказательства представлены стороной с нарушением установленного ХПК порядка представления доказательств, в том числе с нарушением срока представления доказательств, установленного судом), КГС тоже фактически воспринята не была⁷. Более того, из содержания некоторых норм КГС можно сделать вывод о том, что раскрытие доказательств – это право, а не обязанность участвующих в деле лиц. Например, согласно п. 2 ч. 1 ст. 250 КГС при подготовке дела к судебному разбирательству истец, третье лицо на стороне истца и их представители вправе (а не обязаны) вручить или направить ответчику копии письменных доказательств, подтверждающих основания исковых требований. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 251 КГС судья при подготовке дела к судебному разбирательству предлагает сторонам (а не обязывает их) раскрыть доказательства, подтверждающие заявленные требования и возражения.

⁶Отличие правила ч. 5 ст. 179 КГС от ч. 4 ст. 100 ХПК состоит только в том, что оно, кроме того, обязывает каждое участвующее в деле лицо в тот же срок раскрыть и факты, на которые оно ссылается как на основание своих требований или возражений. Вместе с тем в подобном дополнении вряд ли существовала необходимость. Во-первых, раскрытие фактов происходит в результате ознакомления участвующих в деле лиц и их представителей с позициями друг друга (так как элементом позиции согласно ч. 1 ст. 57 КГС является фактическое обоснование требований или возражений), поэтому такое раскрытие должно быть предметом регулирования не норм о доказывании и доказательствах, а норм об обмене копиями процессуальных документов – искового заявления и отзыва на него. Во-вторых, предусмотренная ч. 5 ст. 179 КГС обязанность раскрыть факты совершенно не согласуется с тем, что, как было показано выше, другие нормы КГС прямо допускают возникновение ситуации, при которой истец может находиться в неведении о позиции ответчика вплоть до начала разбирательства дела.

⁷Норма ч. 1 ст. 154 КГС (данная норма заимствована почти без изменений из ч. 1 ст. 139 ГПК) тоже допускает возложение на сторону судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела по причине нарушения ею срока представления доказательств. Однако принципиальное отличие данной нормы от абзаца 3 ч. 1 ст. 133-1 ХПК заключается в том, что, во-первых, ч. 1 ст. 154 КГС допускает возможность возложения на сторону независимо от результатов рассмотрения дела не абсолютно всех судебных расходов, а только тех, которые возникли (если возникли вообще) по причине нарушения ею срока представления доказательств; во-вторых, правило ч. 1 ст. 154 КГС рассчитано лишь на ситуации нарушения стороной срока представления доказательств, установленного судом, но не самим КГС (это значит, что если сторона нарушает срок раскрытия доказательств, установленный ч. 1 ст. 179 КГС (т. е. до завершения подготовки дела к судебному разбирательству), то норма ч. 1 ст. 154 КГС применению не подлежит).

6. В ч. 4 ст. 14 КГС закреплено, что «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». Подобного правила не содержит ст. 19 ХПК, и, думается, отнюдь не случайно, поскольку оно заслуживает ряда критических замечаний (вследствие чего его из текста ст. 14 КГС было бы целесообразно исключить).

Во-первых, анализируемое правило создает (вместе с иными аналогичного рода положениями, содержащимися в ст. 14 КГС) ошибочное впечатление о том, что принцип состязательности имеет отношение только к вопросам доказывания и доказательств, хотя, как нами было обосновано выше, действие данного принципа значительно шире – состязательные начала пронизывают, по сути, любую процессуальную деятельность и являются свойственными гражданскому судопроизводству в целом, а не каким-то отдельным его составляющим (компонентам).

Во-вторых, норма ч. 4 ст. 14 КГС фактически дублирует регулирование вопроса, которому посвящено правило первого предложения ч. 2 ст. 179 КГС: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те факты, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, если иное не предусмотрено законодательством». При этом различия, имеющиеся между тем и другим предписанием, позволяют констатировать присутствие в данном случае коллизии правовых норм: норма первого предложения ч. 2 ст. 179 КГС касается всех участвующих в деле лиц, в то время как норма ч. 4 ст. 14 КГС – только сторон, норма первого предложения ч. 2 ст. 179 КГС позволяет устанавливать исключения из предусматриваемого ею правила законодательством (т. е. любыми нормативными правовыми актами), а норма ч. 4 ст. 14 КГС – предписаниями только самого КГС.

В-третьих, правило ч. 4 ст. 14 КГС является дублирующим даже по отношению к ч. 2 ст. 14 КГС, где тоже говорится о представлении сторонами доказательств, являющихся способами (средствами) отстаивания сторонами занимаемых ими позиций.

Причем и в этом случае обе нормы не согласуются между собой: если ч. 4 ст. 14 КГС говорит об обязанности сторон осуществлять доказывание утверждаемых ими обстоятельств, то по смыслу ч. 2 ст. 14 КГС доказывание стороны могут и не осуществлять, так как по своему усмотрению избирают занимаемую в деле позицию, которая может заключаться в том числе в индифферентном отношении к результатам его разрешения.

В-четвертых, феномен, о котором идет речь в ч. 4 ст. 14 КГС (равно как и в ч. 2 ст. 179 КГС), в действительности представляет собой не юридическую обязанность в собственном смысле этого понятия, а правовую конструкцию, с помощью которой законодатель указывает на несение стороной риска проигрыша дела ввиду недоказанности (т. е. вследствие непредставления стороной убедительных доказательств) выгодных для нее фактов [13]. Безусловно, риск проигрыша дела является мощным стимулом для того, чтобы каждая из сторон осуществляла доказывание и тем самым обеспечивала состязательность судопроизводства. Однако вся проблема состоит в том, что вопросы, насколько убедительными являются представленные сторонами доказательства и на какую из сторон в итоге ложится несение риска проигрыша дела, обсуждаются на этапе процесса, когда состязание сторон уже завершено (в совещательной комнате при вынесении судом решения по существу спора), соответственно, и о результатах разрешения данных вопросов стороны узнают только постфактум (а не в ходе состязания друг с другом) из содержания решения суда. Поэтому вряд ли конструкцию так называемой обязанности доказывания можно квалифицировать в качестве правового инструмента, непосредственно гарантирующего состязательность судопроизводства, и включать информацию о данном инструменте в содержание ст. 14 КГС.

7. Первое предложение ч. 5 ст. 14 КГС гласит: «Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел». Данный текст представляет собой заимствование ч. 4 ст. 19 ХПК, однако не дословное, а модифицированное.

Например, в отличие от ч. 4 ст. 19 ХПК, в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС присутствует предписание о том, что суд «оказывает лицам, участвующим

в деле, содействие в реализации их прав». Однако данное предписание вызывает множество вопросов. Почему суд оказывает содействие только в реализации прав, но не в исполнении обязанностей? О содействии в реализации каких прав (исполнении каких обязанностей) идет речь – материальной или процессуальной принадлежности? Если речь идет о содействии в реализации процессуальных прав (исполнении процессуальных обязанностей), то почему положения о таком содействии помещены именно в ст. 14 КГС, посвященную принципу состязательности (ведь лица, участвующие в деле, обладают комплексом процессуальных прав (обязанностей), имеющих отношение к самым разным принципам гражданского судопроизводства)? Наконец, каким образом (за счет каких собственных действий) суд может оказать участвующим в деле лицам содействие в реализации их прав (исполнении обязанностей)?

По нашему мнению, суд может оказывать сторонам содействие лишь в реализации процессуальных прав (исполнении процессуальных обязанностей), причем данное содействие не может выходить за рамки простого разъяснения этих прав (обязанностей) (реальное содействие в реализации процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей лицам, участвующим в деле, оказывают их представители, которые в том числе вправе непосредственно совершать действия, составляющие содержание соответствующих прав и обязанностей), но разъяснение процессуальных прав и обязанностей, как видно из ст. 20 КГС («суд разъясняет участникам гражданского судопроизводства их процессуальные права и обязанности, а также предупреждает о последствиях ненадлежащего осуществления, отказа от реализации процессуальных прав, неисполнения или ненадлежащего исполнения процессуальных обязанностей»), образует самостоятельный принцип гражданского судопроизводства⁸, поэтому предписание в ч. 5 ст. 14 КГС на то, что суд «оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав», нам представляется совершенно излишним.

Далее, в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС не конкретизировано, для кого именно суд «создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел». В ч. 4 ст. 19 ХПК на этот счет указано, что условия суд «создает лицам, участвующим в деле», а цели создания условий сформулированы несколько иначе: «...для представления доказательств, активного участия

⁸Статья 20 КГС базируется на ст. 15 ГПК и ст. 16 ХПК (причем содержание ст. 15 ГПК воспроизводит практически дословно). Однако, по нашему мнению, положение процессуального закона о необходимости разъяснения судом лицам, участвующим в деле, их процессуальных прав и обязанностей по своему характеру и сфере действия «не дотягивает» до уровня принципа судопроизводства. Значит, данному положению место не в гл. 2 КГС, а самом конце гл. 7 КГС, так как размещение данного положения после статей, посвященных процессуальным правам и обязанностям участников гражданского судопроизводства и других лиц, будет наиболее логичным шагом.

в их исследовании и сопоставлении, в установлении фактических обстоятельств, а также для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела». Вместе с тем ни то, ни другое предписание нельзя признать в полной мере удачным.

Выше мы уже отмечали, что связывать принцип состязательности только с доказательственной деятельностью (как это имеет место в упомянутых предписаниях первого предложения ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК) является ошибкой. Следовательно, суд должен создавать условия для представления и отстаивания участвующими в деле лицами и их представителями собственных позиций не только по вопросам доказывания и доказательств, но и по другим вопросам, возникающим в ходе судопроизводства по делу. Причем создаваться эти условия должны путем использования судом целого комплекса мер и средств, о которых в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК, к сожалению, не говорится ни слова, а именно путем проведения судебных заседаний для обсуждения наиболее важных правовых вопросов, надлежащего извещения участвующих в деле лиц и их представителей о месте и времени проведения судебных заседаний, выяснения мнений участвующих в деле лиц и их представителей по всем вопросам в ходе судебных заседаний, отложения судебных заседаний в случае неявки в них по уважительным причинам участвующих в деле лиц и их представителей, пересылки копий процессуального документа, поданного участвующим в деле лицом или его представителем, остальным лицам, участвующим в деле, и их представителям и т. п.

Кроме того, видится излишним указание на то, что суд создает условия для «правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел» (первое предложение ч. 5 ст. 14 КГС) или условия для «правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела» (ч. 4 ст. 19 ХПК). Дело в том, что условия для правильного применения правовых норм зависят от верного установления судом всех фактических обстоятельств дела и наличия у членов состава суда надлежащего уровня юридической подготовки. Однако о верном установлении фактических обстоятельств дела в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК уже говорится, уровень же юридической подготовки членов состава суда обеспечивается за счет совершенно других факторов, нежели деятельность в ходе процесса: качества полученного судьями юридического образования и последующего развития ими знаний, навыков и компетенций в данной сфере.

Думается, что нет потребности и в другой констатации, присутствующей в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК, – констатации того, что суд осуществляет руководство процессом. Ведь посредством деятельности по руководству процессом

(т. е. деятельности по осуществлению своих властных полномочий в разных сферах и вопросах процесса) суд обеспечивает реализацию не только принципа состязательности, но и фактически всех остальных нормативных начал (основ) судопроизводства: принципов законности (ст. 12, 25, 26 КГС), равенства всех перед законом и судом (ст. 13 КГС), диспозитивности (ст. 15 КГС), гласности (ст. 17 КГС), права на юридическую помощь (ст. 19 КГС), языка судопроизводства (ст. 21 КГС), процессуальной экономии (ст. 23 КГС) и т. д.

8. Совершенно новым в ст. 14 КГС, по сравнению со ст. 19 ХПК, является предписание второго предложения ее пятой части: «Суд основывает решение лишь на тех доказательствах, участие в исследовании которых на равных основаниях было обеспечено всем лицам, участвующим в деле». И данное предписание вызывает возражения в силу ряда причин.

Во-первых, по данному вопросу в КГС имеется еще одна норма, закрепленная в ч. 2 ст. 282, согласно которой «суд основывает решение и определение лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании» (норма дословно воспроизводит текст ч. 2 ст. 297 ГПК, правило сходного содержания присутствует и в ч. 3 ст. 190 ХПК: «Суд, рассматривающий экономические дела, основывает решение лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в заседании»). Значит, предписание второго предложения ч. 5 ст. 14 КГС создает дублирование в правовой регламентации одного и того же вопроса, причем такое дублирование, которое имеет своим следствием возникновение юридической коллизии. Дело в том, что второе предложение ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 2 ст. 282 КГС фактически по-разному формулируют то условие, при соблюдении которого доказательства могут быть положены в основу принимаемого судом постановления. В соответствии с ч. 2 ст. 282 КГС данным условием является исследование доказательств в судебном заседании, в то время как согласно второму предложению ч. 5 ст. 14 КГС таким условием выступает обеспечение всем лицам, участвующим в деле, возможности участия в исследовании доказательств на равных основаниях (т. е. акцент с необходимости исследования доказательств в судебном заседании снят, и получается, что главное – обеспечить заинтересованным лицам равные возможности по участию в исследовании доказательств, даже если самого исследования доказательств как такового не было).

Во-вторых, предусмотренное вторым предложением ч. 5 ст. 14 КГС условие, при котором доказательства могут быть положены в основу решения или определения, является весьма сложным с точки зрения его оценивания в конкретной практической ситуации, потому что не ясно, в чем именно должны заключаться (проявляться) равные основания участия в исследовании доказательств. Будет ли достаточно для выполнения данного условия суду просто известить всех участвующих в деле лиц о времени

и месте судебного заседания, в котором будет происходить исследование доказательств? Или же равные основания участия в исследовании доказательств предполагают, например, что если одна сторона ведет свое дело с привлечением адвоката, то адвокатом обязательно должна быть обеспечена и вторая сторона, если одна сторона задала свидетелю только три вопроса, то не более трех вопросов свидетелю должно быть позволено и другой стороне, и т. д.?

В-третьих, КГС непосредственно допускает случаи, когда участвующим в деле лицам априори не обеспечивается (в силу тех или иных причин, в том числе связанных с виновным поведением самого заинтересованного лица) возможность участия в исследовании доказательств на равных основаниях, однако исследованные в таких условиях доказательства допускается использовать при вынесении судебного постановления. Например, это случаи ограничения выступления участника судебного разбирательства или лишения его участника слова (ст. 125 КГС), удаления участника гражданского судопроизводства из зала судебного заседания при повторном нарушении им порядка (ч. 2 ст. 259 КГС), рассмотрения дела при неявке кого-либо из участвующих в деле лиц (ч. 4 ст. 269 КГС), рассмотрения дела в порядке заочного производства (гл. 29 КГС).

Таким образом, вышесказанное свидетельствует о том, что от предписания второго предложения ч. 5 ст. 14 КГС целесообразно отказаться. Вопрос, которому посвящено данное предписание, оптимальным образом и в должной мере уже урегулирован ч. 2 ст. 282 КГС.

9. В части 6 ст. 14 КГС зафиксированы положения, которых нет в ст. 19 ХПК: «Суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Однако в целях установления фактических обстоятельств дела по мотивированному ходатайству стороны суд оказывает содействие в истребовании необходимых доказательств по делу, если их представление стороной является невозможным». Приведенные положения тоже заслуживают ряда критических замечаний.

Во-первых, предписания ч. 6 ст. 14 КГС, равно как и многие иные положения ст. 14 КГС, неоправданно акцентируют внимание на связи принципа состязательности исключительно лишь с доказательственной деятельностью и совершенно игнорируют его значение для решения всех остальных вопросов гражданского судопроизводства.

Во-вторых, использованный в начале второго предложения союз «однако» указывает на то, что первое и второе предложения противопоставляются

друг другу (так как первое предложение закрепляет общее правило, а второе предложение – исключения из него). Между тем в действительности никакого противопоставления между данными предложениями нет: если первое предложение предусматривает правило о недопустимости собирания судом доказательств по собственной инициативе, то второе предложение посвящено не исключениям из данного правила (т. е. ситуациям, когда суд может сам инициировать собирание доказательств), а совершенно другому вопросу о том, когда суд по инициативе сторон может оказывать им содействие в получении доказательства.

В-третьих, присутствующее во втором предложении ч. 6 ст. 14 КГС выражение про «содействие в истребовании необходимых доказательств» является не совсем точным, потому что суд оказывает стороне содействие не в истребовании доказательств (ведь полномочий на истребование доказательств у самой стороны нет), а в получении (собрании) доказательств. Истребованием доказательств в этом случае занимается сам суд. Данное истребование как раз и выражает собой то содействие, которое суд оказывает стороне в получении (собрании) ею доказательств. Подтверждением сказанному является и наименование соответствующего ходатайства стороны, которым оперирует КГС: ходатайство «об истребовании доказательства», а не ходатайство «о содействии в истребовании доказательства» (ч. 3 ст. 180, п. 3 ч. 1, п. 4 ч. 2 ст. 250, ч. 3 ст. 335, ч. 3 ст. 336 КГС). Заметим, что указанное неточное выражение присутствует также во втором предложении ч. 2 ст. 180 КГС (суд «содействует в истребовании таких доказательств»), а в целом проблема отмеченной неточности имеет, образно говоря, «хронический» характер, поскольку заимствована из аналогичных норм второго предложения ст. 20 ГПК («суд содействует указанным лицам по их ходатайству в истребовании доказательств»), ч. 3 ст. 179 ГПК («суд на основании их ходатайств содействует в истребовании таких доказательств»), п. 10 ст. 262 ГПК (суд «содействует в истребовании от граждан и юридических лиц доказательств»).

В-четвертых, первое предложение ч. 6 ст. 14 КГС предусматривает в качестве общего (т. е. действующего в подавляющем большинстве случаев) правило о том, что по собственной инициативе суд доказательств не собирает⁹. Однако по КГС возможности суда в сфере самостоятельного собирания (получения) доказательств насколько широки, что впору говорить о необходимости закрепления прямо противоположного по содержанию правила. В частности, по своей инициативе суд вправе привлечь в процесс государственный орган, иную уполномоченную организацию

⁹В версии КГС, которая была размещена (при внесении проекта КГС на рассмотрение Национального собрания Республики Беларусь) в банке данных проектов законов Республики Беларусь, отмеченное правило имело даже еще более радикальную (не допускающую исключений) редакцию: «Суд освобождается от обязанности по собиранию доказательств по собственной инициативе в целях установления фактических обстоятельств дела».

для дачи заключения по делу (ч. 1 ст. 80 КГС), назначить экспертизу (ч. 4 ст. 145, ст. 218 КГС), вызвать свидетелей (ч. 4 ст. 145 КГС) и повторно их допросить (ч. 5 ст. 190 КГС), вызвать экспертов (ч. 4 ст. 145 КГС), вызвать специалистов (ч. 4 ст. 145, ч. 1 ст. 230 КГС), провести осмотр на месте (ч. 4 ст. 145, ст. 208, п. 6 ч. 2 ст. 251 КГС), в том числе осмотр подвергающихся быстрой порче доказательств (ч. 1 ст. 206 КГС), истребовать подлинник электронного доказательства (ч. 4 ст. 200, п. 6 ч. 2 ст. 251 КГС), произвести освидетельствование (ч. 4 ст. 145, ч. 1 ст. 211 КГС), предъявить для опознания лицо, предмет или животное (ч. 4 ст. 145, ч. 1 ст. 213 КГС), провести судебный эксперимент (ч. 4 ст. 145, ст. 216 КГС), направить судебное поручение (ч. 1 ст. 236, п. 7 ч. 2 ст. 251 КГС), предложить сторонам и их представителям представить дополнительные доказательства (ч. 2 ст. 180, п. 1 ч. 2 ст. 251 КГС), предложить ответчику представить доказательства в подтверждение его возражений (п. 11 ч. 2 ст. 251 КГС), обязать участвующих в деле лиц представить письменные объяснения (ч. 5 ст. 247, п. 4 ч. 2 ст. 251 КГС), истребовать доказательства по отдельным категориям дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений (ч. 4 ст. 368, ч. 2 ст. 383, ч. 3 ст. 399, ч. 3 ст. 403 КГС), дел особого производства (ч. 3 ст. 450 КГС) и иных неисковых производств (ч. 2 ст. 469, ч. 2 ст. 495, ч. 4 ст. 531, ч. 4 ст. 540 КГС).

В-пятых, ч. 6 ст. 14 КГС, видимо, призвана в целом отразить весьма расхожую в кругах теоретиков и практиков идею о том, что в силу принципа состязательности активными в сфере доказывания и доказательств должны являться только стороны процесса, а суд должен быть преимущественно пассивным. Однако подобная идея, на наш взгляд, есть заблуждение. Без активной роли суда в ходе судопроизводства, в том числе по вопросам доказывания и доказательств, обеспечение истинной состязательности (в том значении, которое мы отстаиваем в настоящей работе) невозможно¹⁰. Не случайно поэтому КГС, провозглашая принцип состязательности процесса, одновременно наделяет суды столь широкими полномочиями по инициативному собиранию (получению) доказательств. Однако только этим активность суда по вопросам доказывания и доказательств исчерпываться не должна. Суд должен обладать полномочиями еще и на то (о чем, к сожалению, ни в ст. 14, ни в каких-либо других статьях КГС не говорится ни слова), чтобы ставить участвующих в деле лиц и их представителей в известность о содержании предмета доказывания по делу, в том числе предлагать на их обсуждение те имеющие значение для дела обстоятельства, которые ни одним участвующим в деле лицом упомянуты не были, информиро-

вать участвующих в деле лиц о действии презумпций в отношении отдельных входящих в предмет доказывания фактов, указывать участвующим в деле лицам, какие доказательства могут быть представлены в подтверждение тех или иных обстоятельств.

10. Согласно ч. 7 ст. 14 КГС «стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий». Правило заимствовано из второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК с той лишь разницей, что используемый во втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК термин «лица, участвующие в деле» заменен в ч. 7 ст. 14 КГС на термин «стороны». Вместе с тем ни тот, ни другой вариант правила нельзя признать полностью удачным, а само правило – безусловно необходимым для сферы судопроизводства.

Во-первых, в ч. 7 ст. 14 КГС (втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК) не конкретизировано, о совершении (несовершении) каких именно процессуальных действий идет речь. Поэтому с формальной точки зрения анализируемое правило есть основания распространять на абсолютно любые процессуальные действия, т. е. процессуальные действия любой целевой направленности и любого содержания. Но в ходе судопроизводства заинтересованными лицами совершаются (не совершаются) действия, имеющие отношение не только к состязательности, но и к другим принципам гражданского судопроизводства, в частности, к гласности правосудия (заявление ходатайства о слушании дела в закрытом режиме), языку судопроизводства (заявление ходатайства о предоставлении переводчика), диспозитивности (заключение мирового соглашения) и т. д. И тогда возникает вопрос, почему правило ч. 7 ст. 14 КГС (второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК) находится в статье, посвященной принципу состязательности.

Во-вторых, анализируемое правило фактически говорит о том, что последствия (если таковые возникают) совершения или несовершения сторонами (ч. 7 ст. 14 КГС) или лицами, участвующими в деле (второе предложение ч. 3 ст. 19 ХПК), процессуальных действий распространяются именно на данных субъектов. Однако это вполне очевидный факт, который вряд ли имеет смысл констатировать на уровне процессуального закона, – подобная констатация как таковая не способна чему-либо поспособствовать или что-либо улучшить.

В-третьих, последствия совершения или несовершения сторонами (ч. 7 ст. 14 КГС) или лицами, участвующими в деле (второе предложение ч. 3 ст. 19 ХПК), процессуальных действий могут наступать не только для самих этих субъектов, но и для иных участников судопроизводства, а в определенных случаях также для лиц, участниками судопроизводства

¹⁰ Активная роль суда, направленная на обеспечение состязательности, заключается (помимо его активности по вопросам доказывания и доказательств) также в том, что суд организует проведение судебных заседаний, извещает о времени и месте их проведения всех участвующих в деле лиц, выясняет мнения последних по всем вопросам, возникающим в ходе судебных заседаний, направляет участвующим в деле лицам копии поданных процессуальных документов, реализует положения, касающиеся принципов равенства всех перед законом и судом, гласности процесса, языка судопроизводства и т. п.

не являющихся. Например, заявление стороной ходатайства о вызове определенного гражданина в суд в качестве свидетеля порождает последствия для суда (возникновение обязанности надлежащим образом разрешить ходатайство) и в случае удовлетворения ходатайства порождает последствия для гражданина (возникновение комплекса процессуальных прав и обязанностей, образующих статус свидетеля). Заявление стороной ходатайства об истребовании доказательства из какого-то государственного органа влечет последствия для суда (возникновение обязанности ходатайство надлежащим образом рассмотреть) и в случае удовлетворения ходатайства влечет последствия для государственного органа (обязанность представить доказательство в суд).

В-четвертых, выражение «риск наступления последствий», используемое в ч. 7 ст. 14 КГС (втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК), свидетельствует о том, что соответствующие последствия лишь вероятны и вполне могут не наступить. Подобный вариант развития событий характерен для случаев несовершенства процессуальных действий. Ведь процессуальное законодательство предусматривает возможность совершения огромного количества разнообразных процессуальных действий, в том числе и тех, которые к данному конкретному рассматриваемому судом делу отношения не имеют. Поэтому очевидно, что несовершенство заинтересованным лицом действий последнего рода ни к каким последствиям не может вести. Например, если сторона не заявляет ходатайство о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании (потому что объективно оснований для разбирательства дела в закрытом режиме нет), то

у подобного бездействия стороны никаких последствий не будет. Хотя если действие имеет отношение к делу, то его несовершенство в определенных ситуациях к последствиям способно привести. В частности, неподача сторонами апелляционных жалоб на вынесенное судом решение ведет к вступлению последнего в законную силу.

Однако отмеченного варианта развития событий (когда наступление последствий отсутствует) практически не может быть при совершении процессуальных действий: любые процессуальные действия влекут последствия или для того лица, которое их совершило, или для иных субъектов процесса. Так, подача заинтересованным лицом процессуального документа, содержащего требование (ходатайство), влечет обязанность суда его рассмотреть и разрешить, представление заинтересованным лицом доказательств, в том числе в форме собственных объяснений, влечет обязанность суда исследовать их и учесть при постановлении решения. Последствия влечет даже такое действие, как ознакомление стороны с материалами гражданского дела, последствия заключаются в том, что полученная информация ведет к дальнейшему поддержанию стороной позиции в споре, корректировке данной позиции или отказу от нее.

В-пятых, термин «риск», которым оперируют ч. 7 ст. 14 КГС (второе предложение ч. 3 ст. 19 ХПК), указывает на то, что последствия совершения или несовершенства процессуальных действий имеют негативный (неблагоприятный) характер, в то время как в действительности подобного характера наступающие последствия в подавляющем большинстве случаев не имеют.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют предложить следующую новую редакцию ст. 14 КГС:

«1. Гражданское судопроизводство осуществляется на основе состязательности, в силу которой рассмотрение и разрешение всех наиболее значимых правовых вопросов происходит путем выяснения, проверки, оценки и учета позиций всех лиц, участвующих в деле, и их представителей.

2. Лица, участвующие в деле, и их представители по своему усмотрению избирают собственную позицию, способы и средства ее отстаивания, в том числе обосновывают свои требования или возражения, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, приводят доводы, а также подвергают анализу, критике и оценке чужую позицию (позиции).

3. Лица, участвующие в деле, и их представители вправе знать о позициях друг друга относительно сути гражданского дела и подтверждающих эти позиции доказательствах до начала судебного разбирательства.

4. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, создает лицам, участвующим в деле, и их представителям условия для формирования и отстаивания собственной позиции, а также для исследования, критики и оценки чужой позиции (позиций). Указанные условия создаются в том числе путем проведения судебных заседаний, надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, и их представителей о месте и времени их проведения, выяснения мнений лиц, участвующих в деле, и их представителей по всем вопросам, возникающим в ходе судебных заседаний, пересылки (передачи) всем лицам, участвующим в деле, и их представителям копий поданных процессуальных документов, иными процессуальными способами и средствами.

5. В целях выяснения, проверки, оценки и учета позиций всех лиц, участвующих в деле, и их представителей суд вправе в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом и иными актами законодательства, проявлять инициативу в совершении

процессуальных действий, в том числе в собирании (получении) доказательств».

Положения ч. 1 ст. 57 КГС необходимо выделить в отдельную статью (подобно ст. 55 ГПК), при этом уточнить, что самостоятельную позицию в производстве по делу занимают не только лица, участвующие в деле, но и их представители, а сама «позиция включает в себя определенное отношение лица к тому или иному вопросу судопроизводства (т. е. требования, возражения против требований, согласие с требованиями или возражениями, признание требований или возражений и т. д.) вместе с фактическим и правовым обоснованием такого отношения».

Чтобы обеспечить реализацию принципа состязательности, требуется предусмотреть обязательность

проведения судебных заседаний для рассмотрения ряда частных вопросов (обеспечение доказательств, выдача дубликата исполнительного документа и пр.), гарантировать участвующим в деле лицам и их представителям возможность заранее получать информацию о позициях друг друга относительно сути гражданского дела и обосновывающих эти позиции доказательствах (подробная регламентация процедуры раскрытия доказательств и т. п.), наделить суды некоторыми новыми полномочиями в сфере доказывания и доказательств (ставить участвующих в деле лиц и их представителей в известность о содержании предмета доказывания по делу, в том числе предлагать на их обсуждение те имеющие значение для дела обстоятельства, которые ни одним участвующим в деле лицом упомянуты не были, и др.).

Библиографические ссылки

1. Тихиня ВГ, Тихонович ВВ. Конституция БССР и принципы судебной защиты гражданских прав. Минск: БГУ; 1980. 56 с.
2. Семенов ВМ. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. Москва: Юридическая литература; 1982. 152 с.
3. Тараненко ВФ. Принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе. Шакарян МС, редактор. Москва: ВЮЗИ; 1990. 54 с.
4. Треушников МК, Чешка З, редакторы. Основные принципы гражданского процесса. Москва: Издательство МГУ; 1991. 144 с.
5. Ференс-Сороцкий АА. Принципы гражданско-процессуального права. Санкт-Петербург: СПбГУ; 1993. 54 с.
6. Шишкин СА. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Москва: Городец; 1997. 192 с.
7. Фокина МА. Состязательность в гражданском судопроизводстве: закономерности и исключения. Саратов: Издательство Саратовского юридического института МВД РФ; 1999. 76 с.
8. Шерстюк ВМ. Развитие принципов арбитражного процессуального права. Москва: Городец; 2004. 160 с.
9. Воронов АФ. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. Москва: Городец; 2009. 496 с.
10. Филипчик Р. Применение конституционного принципа состязательности при рассмотрении гражданских дел в контексте унификации процессуального законодательства. Судовы веснік. 2020;1:28–31.
11. Король Э. Возможные пути развития принципа состязательности при унификации и совершенствовании гражданского процесса. Судовы веснік. 2020;1:32–35.
12. Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь. Судовы веснік. 2024;1:72–79.
13. Скобелев ВП. Обязанность доказывания в гражданском судопроизводстве: новый взгляд на старые проблемы. В: Гриб ВВ, редактор. Научные труды Российской академии юридических наук. Выпуск 17. Том 2. Москва: Юрист; 2017. с. 238–242.

References

1. Tikhinya VG, Tikhonovich VV. *Konstitutsiya BSSR i printsipy sudebnoi zashchity grazhdanskikh prav* [Constitution of the BSSR and principles of judicial protection of civil rights]. Minsk: Belarusian State University; 1980. 56 p. Russian.
2. Semenov VM. *Konstitutsionnye printsipy grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Constitutional principles of civil proceedings]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1982. 152 p. Russian.
3. Taranenkov VF. *Printsipy dispozitivnosti i sostyazatel'nosti v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Principles of dispositiveness and adversarial nature in Soviet civil procedure]. Shakaryan MS, editor. Moscow: Vsesoyuznyi yuridicheskii zaochnyi institut; 1990. 54 p. Russian.
4. Treushnikov MK, Cheshka Z, editors. *Osnovnye printsipy grazhdanskogo protsessa* [Basic principles of civil procedure]. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1991. 144 p. Russian.
5. Ferens-Sorotsky AA. *Printsipy grazhdansko-protsessual'nogo prava* [Principles of civil procedural law]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 1993. 54 p. Russian.
6. Shishkin SA. *Sostyazatel'nost' v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Adversarial nature in civil and arbitration proceedings]. Moscow: Gorodets; 1997. 192 p. Russian.
7. Fokina MA. *Sostyazatel'nost' v grazhdanskom sudoproizvodstve: zakonmernosti i isklyucheniya* [Adversarial nature in civil proceedings: patterns and exceptions]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo yuridicheskogo instituta MVD RF; 1999. 76 p. Russian.
8. Sherstyuk VM. *Razvitie printsipov arbitrazhnogo protsessual'nogo prava* [Development of principles of arbitration procedural law]. Moscow: Gorodets; 2004. 160 p. Russian.

9. Voronov AF. *Printsipy grazhdanskogo protsessa: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Principles of civil procedure: past, present, future]. Moscow: Gorodets; 2009. 496 p. Russian.
10. Filipchik R. [Application of the constitutional principle of adversarial proceedings in the consideration of civil cases in the context of the unification of procedural legislation]. *Sudovy vesnik*. 2020;1:28–31. Russian.
11. Korol' E. [Possible ways of developing the adversarial principle in the unification and improvement of civil procedure]. *Sudovy vesnik*. 2020;1:32–35. Russian.
12. Skobelev V. [On the role and significance of the principles of civil procedure in the context of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus]. *Sudovy vesnik*. 2024;1:72–79. Russian.
13. Skobelev VP. [Burden of proof in civil proceedings: a new look at old problems]. In: Grib VV, editor. *Nauchnye trudy Rossiiskoi akademii yuridicheskikh nauk. Vypusk 17. Tom 2* [Scientific works of the Russian Academy of Law Sciences. Issue 17. Volume 2]. Moscow: Yurist; 2017. p. 238–242. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2024.
Received by editorial board 14.10.2024.